

¹¹¹ Ibid. P. 76–77, 80; См. также: *Борзов Н. В.* Иван Васильевич Кулаев (1857–1941). Культурно-биографический очерк. Сан-Франциско: Изд-во Благотворительно-просветительского фонда им. И. В. Кулаева, 1955.

¹¹² См.: *Нитобург.* Русские в США... С. 146.

¹¹³ См.: *Окунцов.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке... С. 298–299.

¹¹⁴ Толстовский фонд, созданный на квартире Б. А. Бахметева как «Комитет помощи всем нуждающимся русским». В числе его основателей: А. Л. Толстая, Б. А. Бахметев, С. В. Рахманинов, Б. В. Сергиевский, М. А. Ростовцев, графиня С. В. Панина, Т. А. Шауфус, американцы – Э. Колтон и юрист Гревс. Затем к числу его основателей добавились И. И. Сикорский и А. Р. Вирен. Почетным председателем фонда стал экс-президент США Г. Гувер.

¹¹⁵ См.: *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции. 1920–1930 гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель. Архив Гуверовского ин-та в Стэнфорде: Stanford, Slavic Studies, Vol. 9. 1995. P. 22.

¹¹⁶ ГАРФ. Пушкарев С. Г. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 213. Переписка с П. А. Сорокиным. 1930–1936. Л. 3–4. Письмо от 16 мая 1930 г., от руки.

¹¹⁷ Там же. Л. 13–13об. Письмо П. Сорокина от 11 января 1935 г. От руки на бланке Harvard University. Department Sociology. Emerson Hall. Cambridge, Mass., U.S.A.

¹¹⁸ Аббревиатура от английского выражения «displaced persons» – перемещенные лица в Мюнхене. Университет был создан в 1945 г. под эгидой УНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) – Международной организации по защите и реабилитации при ООН, на которую были возложены заботы о жертвах войны. В составе группы, прибывшей в США из Германии и принявшей участие в организации РАГ в США, профессора-эмигранты послеоктябрьской волны: А. Н. Митинский, А. Д. Билимович, К. Г. Белоусов, В. И. Свинтицкий и Г. К. Брижицкий.

¹¹⁹ Новиков Михаил Михайлович (1876–1965) – зоолог, сравнительный анатом, крупный общественный деятель. Профессор зоологии и сравнительной анатомии Московского университета (1911, 1916–1920). В 1911–1916 гг. – профессор Коммерческого института в Москве. В 1919–1920 гг. – ректор Московского университета. В 1922 г. в составе «философского парохода» был изгнан из России. Ректор Русского (1923–1939) и чешского Карлова университетов в Праге, Братиславского университета (1939–1945), университета для «перемещенных лиц» при УНРРА в Мюнхене (1946–1947), Мюнхенского и Регенсбургского университетов (1947–1948), действительный член Нью-Йоркской академии наук (с 1957), один из организаторов и многолетний председатель Русской академической группы в США (1951–1965).

¹²⁰ Bakhmeteff Archive (BAR), M. M. Novikov Collection, Columbia University Libraries, Box 1–6. Box 5. Subject File UNRRA University Munich.; BAR, M. M. Novikov Collection. Box 5. Academicheskaja Grupa – Universitet M. Lomonosova.

¹²¹ *Жернакова Н. А.* О Русской академической группе в США и о ее «Записках» // Записки Русской Академической группы в США (Нью-Йорк). 1996–1997. Т. XXVIII. С. 495. Первым председателем послевоенной РАГ в США (1948–1951 гг.) был профессор Е. В. Спекторский, бывший ректор Киевского университета и один из наиболее крупных русских специалистов по философии, социологии и государственному праву; вторым (1951–1965 гг.) – профессор М. М. Новиков. Третьим председателем (1966–1970 гг.) – профессор А. А. Боголепов, бывший проректор Петроградского университета; профессор административного права в Праге, профессор канонического права – в США. Четвертым (1971–1977 гг.) – профессор Н. С. Арсеньев, бывший профессор богословия в Кёнигсбергском университете и в других европейских и американских университетах; религиозный философ, культуролог. Пятый председатель (1978–1982 гг.) – профессор русского языка и литературы А. П. Оболенский. С 1982 г. Русскую академическую группу возглавляет профессор русского языка и литературы в Нью-Йорке Н. А. Жернакова.

¹²² *Жернакова Н. А.* О Русской академической группе... С. 495.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Е. Ф. БУРШТЕЙН

ПЕТР ЧИХАЧЁВ: ЗАГАДКИ И «БЕЛЫЕ ПЯТНА» БИОГРАФИИ

Петр Александрович Чихачёв (1808–1890) – выдающийся географ, геолог и путешественник XIX в., почетный член и член-корреспондент академий наук нескольких стран, известен как исследователь Алтая и Западного Саяна, Малой Азии, Италии и юга Франции, Испании и стран Северной Африки, а также как автор статей и брошюр по вопросам европейской политики. Большую часть жизни Петр Чихачёв провел за рубежом, фактически став эмигрантом (позднее Россию покинул и его младший брат Платон Александрович, тоже известный путешественник). Результаты исследований П. А. Чихачёва до середины XX в. в России практически не публиковались. Из 136 печатных работ, приведенных в наиболее полной библиографии трудов Чихачёва, лишь 8 статей и заметок, не принадлежащих к числу наиболее значимых, опубликованы на русском языке.

В 1940–1990-е гг. неизменным переводчиком трудов и биографом ученого был В. В. Цыбульский¹. По его данным о Чихачёве писали другие авторы. Более ранняя информация содержится в основном в биографических очерках конца XIX в. Геодезист И. И. Стебницкий воспроизводит данные о П. А. Чихачёве, сообщенные его братом Пл. А. Чихачёвым в письме вице-президенту Императорского русского географического общества (ИРГО) П. П. Семенову, а писательница Н. А. Белозерская, помимо данных И. И. Стебницкого, использует труды П. А. Чихачёва и его «устные рассказы» в воспоминаниях брата и племянника – Ф. Пл. Чихачёва².

Отдавая должное огромной работе, проделанной В. В. Цыбульским, приходится отметить, что его объективно сложившееся монопольное положение в исследовании биографии и трудов Чихачёва привело к тому, что допущенные им неточности и недостаточно обоснованные выводы стали повторяться другими. В этом же ряду стоят и умолчания (или только беглые намеки) об участии Чихачёва в неофициальной внешнеполитической деятельности Министерства иностранных дел (МИД) России – важном элементе его жизни и путешествий.

До сих пор недостаточно ясны мотивы и обстоятельства эмиграции П. А. Чихачёва. В. В. Цыбульский (1996) настаивал на политическом характере эмиграции: «Как известно, в царской России его труды, главным образом, по политическим со-

¹ См.: Цыбульский В. В. П. А. Чихачёв – выдающийся исследователь Алтая. Кемерово, 1959; П. А. Чихачёв – исследователь, путешественник. М.: Географгиз, 1961; Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы. М.: Наука, 1988; Научные экспедиции по Казахстану (А. Гумбольдт, П. Чихачёв, Г. Шууровский). Алма-Ата: Казахстан, 1988; Петр Александрович Чихачёв (1808–1890) // Творцы отечественной науки. Географы. М.: АГАР, 1996. С. 156–167.

² Стебницкий И. И. Петр Александрович Чихачёв // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 27. 1891. Вып. 1. С. 1–10; Белозерская Н. А. Петр Александрович Чихачёв: Биографический очерк // Вестник Европы. 1893. Т. 6. Кн. 11. С. 162–213.

ображениям, не издавались, так как ученый являлся прямым родственником повешенного декабриста М. П. Бестужева-Рюмина. Кроме того, в своих трудах П. А. Чихачёв выступал с резкой критикой прогнившего режима николаевской России, а также разоблачал колониальную политику крупнейших капиталистических стран». Эту точку зрения ранее почти в тех же выражениях поддерживал редактор книги Цыбульского академик А. Л. Нарочницкий³.

Петр Чихачёв, представитель старинного дворянского рода и семьи, близкой ко двору, получивший дома гуманитарное и естественно-научное среднее образование у профессоров Царскосельского лицея. В 1823 г. повелением Александра I он был зачислен в привилегированную дипломатическую школу при Коллегии иностранных дел (КИД). Как пишет Цыбульский, «При КИД под особым покровительством императора существовала своего рода дипломатическая школа, куда принимались наиболее способные и образованные воспитанники дворянского происхождения»⁴. Название школы в документах обычно не упоминается (он числился студентом или стажером при КИД). Продолжал учиться и после 1826 г., когда был казнен М. П. Бестужев-Рюмин, двоюродный брат его матери. В 1829 г. был выпущен, причем отмечалось прекрасное усвоение им пяти европейских языков и исторических наук. Его произвели в гражданский чин 14 класса и одновременно в первый офицерский чин. Последнее обстоятельство свидетельствует об особом характере подготовки и будущей деятельности выпускников школы. В документах о службе Чихачёва «параллельные» военные чины не упоминаются⁵. Наконец, в 1831 г. Чихачёв удостоен придворного звания камер-юнкера. Никаких следов высочайшего недоверия, не говоря уже об опале, усмотреть здесь невозможно.

Неубедительна также ссылка на политические взгляды П. А. Чихачёва, высказанные им позднее в книге о путешествии на Алтай (1845). В этой книге Чихачёв с позиции просвещенного аристократа осуждал быстро разбогатевших золотопромышленников, представителей «третьего сословия», не проявлявших заботу о рабочих⁶, но вовсе не режим. Об условиях, близких к каторжным, в которых трудились горнорабочие, мастеровые и плавильщики горных заводов Алтая, принадлежавших императорскому Кабинету, не сказано ни слова. Положение старообрядцев в горах или кочующих за Иртышом казахов он изображает довольно в мягких тонах. Критику режима Николая I Чихачёв допустит только в эпоху Александра II. Что же касается «разоблачения колониальной политики» других империй, то это в России не возбуждалось.

Весьма своеобразно начало дипломатической службы П. А. Чихачёва (1829–1833 гг.). Скромный переводчик при канцелярии КИД, затем – сотрудник Азиатского департамента МИД он, «уступая своему желанию», в это время получает дополнительное образование. Чихачёв фактически большей частью в этот период учился. Вначале он прослушал ряд курсов на юридическом факультете Пе-

³ См.: Цыбульский В. В. Петр Александрович Чихачёв... 1996. С. 156; Нарочницкий А. Л. От редактора // В. В. Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 6.

⁴ После образования в 1802 г. министерств, КИД стала подразделением МИД, подчиненным лично министру. Более подробно о школе см.: Цыбульский В. В. П. А. Чихачёв – исследователь, путешественник... С. 6.

⁵ С 1834 г. армейские военные чины присваивались и горным инженерам, но официально и открыто; они носили военную форму.

⁶ См.: Чихачёв П. А. Научное путешествие по Алтаю [главы из книги] / Пер. с франц. // Цыбульский. Научные экспедиции по Казахстану... С. 78.

К. П. Брюллов. «Петр Чихачёв в восточном костюме» (рисунки). Константинополь, 1835 г.

тербургского университета, а после перевода в Азиатский департамент «естественные науки настолько увлекли П. А.», что он «неоднократно выезжал в страны Западной Европы для слушания лекций крупнейших ученых того времени»⁷. Перечень наук и мест, где они изучались, поражает: почти двухлетнее пребывание во Фрейбергской горной академии (лекции К. Ф. Наумана, И. Ф. Брейтгаупта), курсы лекций в Берлинском университете (Л. Бух, Г. Розе), в Парижской высшей горной школе и Коллеж де Франс (Л. Эли де Бомон)⁸. Будучи состоятельным человеком, Чихачёв мог себе позволить выбирать учебные заведения и курсы лекций на правах «своекоштного студента», но он находился на государственной службе и получал, как правило, досрочно очередные чины. Совершенно очевидно, что дополнительное образование поощрялось его начальством. В эти же годы «в Азиатском департаменте МИД П. А. Чихачёв занимался преимущественно Восточным вопросом»⁹. Желая лично ознакомиться со странами Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки, посетил Египет, путешествовал по Палестине, Ливийской пустыне, Синаю и Сирийской пустыне, побывал в Константинополе»¹⁰. Трудно принять всерьез, что эти поездки, требовавшие немалых служебных расходов и времени, отражали только личные желания Чихачёва. По существу внешнеполи-

⁷ Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 15.

⁸ В. В. Цыбульский заимствовал сведения из статьи: Белозерская Н. А. Петр Александрович Чихачёв... Там же упомянуто об обучении Чихачёва более 1 года в Мюнхене – в лаборатории химика Ю. Либиха.

⁹ [Восточным вопросом в XVIII – начале XX вв. именовали главным образом совокупность проблем, связанных с распадом Османской империи и борьбой европейских держав, включая Россию, за раздел ее владений в Европе, Азии и Северной Африке или влияние на них (см.: Си-лин А. С. Восточный вопрос // БСЭ. 3-е изд. Т. 5. М., 1971. С. 408–409).]

¹⁰ Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 22.

тическое ведомство, учитывая тягу молодого сотрудника к естественным наукам и путешествиям, вполне осознанно готовило его к деятельности путешественника-исследователя, при этом имея в виду свои интересы, тем более, что он в этих поездках выполнял служебные поручения.

Не менее своеобразной была и служба П. А. Чихачёва при русском посольстве в Константинополе (1834–1836 гг.) в технической должности второго помощника секретаря и в чине 9 класса, соответствующем армейскому капитану. Чихачёв «занимался изучением истории и этнографии народов, населявших Малую Азию, совершенствовал свои познания в новогреческом языке и начал изучать турецкий и испанский языки»¹¹. Одновременно он «много ездил и по Оттоманской империи и по Европе (Испания, Португалия, Италия, Франция и другие государства)»¹². Именно тогда художник К. П. Брюллов изобразил Чихачёва «в восточном костюме, в котором последний обычно разъезжал с различными служебными поручениями по Малой Азии, Сирии, Египту и другим странам Северной Африки»¹³.

С этим костюмом связано конкретное упоминание в литературе, возможно единственное, об одном из таких поручений. Н. А. Белозерская в своем очерке воспроизводит устные воспоминания П. А. Чихачёва о поездке в Сирию и Египет. Тепло принимавший его в Египте Мухаммед Али-паша «был приятно удивлен, что может объясняться с русским посланным без переводчика». Чихачёва ознакомили с достопримечательностями страны, показав ее до порогов Нила, а паша «пожаловал его египетским мундиром и полным вооружением. П. А. изображен в этом одеянии на весьма удачном портрете, написанном К. Брюлловым»¹⁴. Ни Белозерская, ни родные Петра Чихачёва не были посвящены в подробности встречи, состоявшейся, судя по упоминанию о портрете, не позднее 1835 г. Встреча противоречила элементарным нормам дипломатического протокола (правитель Египта принимает мелкого служащего посольства в Турции!) и могла быть только сугубо неофициальной, проще говоря, секретной, ибо произошла в промежутке между двумя турецко-египетскими войнами (1831–1833 и 1839–1840 гг.). В ходе этих войн турецкие армии были разбиты, но из-за вмешательства западных держав Египет не смог выйти из Османской империи, хотя получил реальную автономию, а Мухаммед Али-паша был признан его наследственным правителем. В первую войну Россия выступила на стороне Турции, высадив в 1833 г. десант на Босфоре, к которому приближались египетские войска, но нажим на Египет Англии и Франции, опасавшихся усиления российского влияния в Малой Азии, изменил расстановку сил (во второй войне на стороне Турции будут действовать войска Англии и Австрии)¹⁵. В лабиринт этих геополитических сплетений был втянут 27-летний Петр Чихачёв, что свидетельствует о доверии к его способностям и умению. Второй помощник секретаря посольства возвратился в Россию с отличной характеристикой в чине коллежского асессора, соответствующем майору.

В России Чихачёв некоторое время находился на службе при МИД, затем, «уступая своему призванию», оставил службу, чтобы посвятить себя научным исследованиям. Он «приступил к углубленному изучению специальных наук у выдаю-

¹¹ *Цыбульский*. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 24.

¹² *Цыбульский*. Научные экспедиции по Казахстану... С. 68.

¹³ *Цыбульский*. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 24.

¹⁴ *Белозерская*. Петр Александрович Чихачёв... С. 174.

¹⁵ *Калинин Н. Г.* и др. Египет. Исторический очерк // БСЭ. 3-е изд. Т. 9. М., 1972. С. 42–48; Египетские кризисы 1831–1833 и 1839–1841 // Там же. С. 58–59.

щихся в то время ученых Москвы и Петербурга, время от времени посещал научные центры Западной Европы»¹⁶. Примечательна разносторонность дополнительной подготовки Чихачёва: из русских ученых упоминаются астроном В. Я. Струве, геолог и минералог Д. И. Соколов, биолог и географ К. М. Бэр и другие.

Итак, в период 1829–1838 гг. П. А. Чихачёв приобрел необходимые теоретические знания и практический опыт путешественника-исследователя. Научные результаты его ранних «дипломатических» путешествий остались неопубликованными.

Непосредственным поводом отъезда П. А. Чихачёва из России, как считает В. В. Цыбульский, послужило отклонение проекта путешествия братьев Чихачёвых к Тибету¹⁷. Следует оговориться, что автором проекта был его брат – Платон Чихачёв, известный путешественник по Америке, и ходатайства ученых в пользу проекта подразумевали именно его. Петр Чихачёв, имевший несравненно более солидную теоретическую подготовку и опыт неофициальных путешествий по Ближнему Востоку и Северной Африке, научной общественности не был известен. Обращает на себя внимание и несовпадение дат: письмо пяти академиков к правительству датировано мартом 1839 г.¹⁸; между тем уже в конце февраля 1839 г. Петр Чихачёв прибыл на остров Сицилию и вскоре приступил к полевым работам¹⁹. Этому предшествовала переписка с А. Гумбольдтом, рекомендовавшим ему интересные для исследования области. По-видимому, решение об их изучении было принято П. А. Чихачёвым независимо от планов брата. (Платон Чихачёв покинет Россию значительно позже.)

Вслед за Сицилией П. А. Чихачёв исследует некоторые районы Апеннинского полуострова и юга Франции. С этого времени он проживает в основном в Париже и во Флоренции, но окончательно обосновался в последней, публикуется почти исключительно в Западной Европе, общается с естествоиспытателями Запада, всячески подчеркивая статус эмигранта. Характерно, что, став действительным членом Императорского Русского географического общества в 1845 г., Чихачёв, один из самых известных европейских географов, не опубликовал в петербургских журналах общества ни одной статьи.

П. А. Чихачёв на привале в долине р. Алаш (Западный Саян). Фрагмент рисунка И. К. Айвазовского (1845 г.). Из книги «Voyage scientifique dans l'Altai oriental...»

¹⁶ Цыбульский. Научные экспедиции по Казахстану... С. 70.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 40.

¹⁹ Там же. С. 44.

Трудно поверить, что активного сотрудника МИД, приобщенного к государственным секретам, в эпоху Николая I могли освободить от службы и отпустить за рубеж без согласования со всеми инстанциями. Как видно из дальнейшего, его контакты с определенными ведомствами России, большей частью негласные, продолжались. Период жизни Чихачёва с 1839 г. до середины 1850-х гг. можно назвать *мнимой эмиграцией*.

Исследования на Апеннинах (1839–1841) прошли успешно, и уже в 1841 г. в западноевропейских журналах появляются статьи П. А. Чихачёва, принесшие ему известность. В конце 1841 г. Корпус горных инженеров России приглашает его для изучения Восточного Алтая и Западного Саяна. Сопоставление внешней и фактической сторон мероприятия проливает некоторый свет на действительный статус Чихачёва.

Внешняя сторона: известный на Западе натуралист, живущий за пределами России, приглашается для изучения ряда горных районов Южной Сибири. Завершив путешествие, он возвращается в Париж, где после обработки коллекций, составления карты и одобрения его рукописи тремя французскими академиками, представившими ее Парижской академии наук, в 1845 г. издает на французском языке труд, который не будет опубликован в России.

В действительности, прибыв в Россию, Чихачёв зачислен чиновником для особых поручений при Министерстве финансов, которому подчинялся Корпус горных инженеров, в чине надворного советника 7 класса (подполковник) и по-прежнему в придворном звании камер-юнкера. Он получил детальное задание, а также на расходы от 3 до 4 тыс. рублей серебром из казначейства²⁰. Одним из его спутников стал военный топограф из Омска.

Уже в 1842 г. журнал «Архив российской науки», издававшийся в Берлине географом А. Эрманом, публикует на немецком языке краткий предварительный отчет о путешествии, представленный Чихачёвым министру финансов Е. Ф. Канкрину²¹, но в России из него не напечатали ни строчки. 1843 годом датирована «Карта западной части Енисейской и юго-восточной части Томской губернии и северной части китайской провинции Улассутай», отпечатанная, но неопубликованная²². В 1845 г. в России опубликовали в «Горном журнале» только перевод реферата его работы, составленного французскими академиком²³. Великолепное издание иллюстрированной книги с приложением папки цветных гравюр и атласа карт²⁴ было осуществлено в Париже на средства, выделенные особым распоряжением Николая I, что не оставляет сомнений в том, что сценарий был согласован на самом верху²⁵.

²⁰ *Цыбульский*. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 76.

²¹ Vorläufiger Bericht des Herrn P. v. Tschichatschew über seine Reise im östlichen Altai // Archiv für wissenschaftliches Kunde von Russland (Berlin). 1842. Bd. II. S. 557–566.

²² *Цыбульский*. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... Карта включена в библиографию трудов П. А. Чихачёва, но без указания места издания и издателя. По-видимому, это архивный документ.

²³ [Броньяр Ад., Дюфренуа П., Эли де Бомон Л.] О сочинении г. Чихачёва под названием: Voyage scientifique dans l'Altai oriental / Пер. с франц. // Горный журнал. 1845. Ч. 4. N 10. С. 1–26; N 11. С. 211–233.

²⁴ *Tchihatcheff P.* Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Paris, 1845. Vol. 1–2.

²⁵ На территории Российской империи работа была издана только в Варшаве в переводе с французского языка на польский: Podróż naukowa w Altaju wschodnim. Warszawa, 1850.

Для чего был затеян этот маскарад? Что мешало поручить экспедицию, например Г. П. Гельмерсену, уже изучавшему в 1838 г. Восточный Алтай, или хотя бы опубликовать отчет Чихачёва в России? Объяснение можно найти в геополитической ситуации. В 1840 г. началась англо-китайская «первая опиумная война», и вскоре наметилось военное поражение Китая, вынудившее его подписать унижительный Нанкинский договор 1842 г.²⁶ Появилась перспектива разрешения спорных пограничных вопросов в пользу России (практически это произойдет после «второй опиумной войны» 1856–1860 гг.), что и вызвало необходимость всесторонне исследовать самую труднодоступную часть полосы, прилегающей к русско-китайской границе в районах Восточного Алтая и Западного Саяна. Официальная российская экспедиция с заходом на территорию Китая могла вызвать внешнеполитические осложнения. Предпочтительнее выглядело путешествие западноевропейского натуралиста русского происхождения.

С изложенной версией согласуется переписка между министром финансов Е. Ф. Канкрином и министром иностранных дел и вице-канцлером К. В. Нессельроде в декабре 1841 г. Первый предложил использовать будущую поездку Чихачёва на Алтай, чтобы «обозреть при сем случае в геогностическом отношении Коканию (Кокандское ханство. – Е. Б.) и соседственные места», и спрашивал, «не представляется ли по МИД какого-либо удобного случая, которым можно было бы воспользоваться для командирования в те места чиновника». Нессельроде ответил отказом без объяснения причин²⁷. Наиболее вероятные мотивы отказа: Чихачёв был нужен прежде всего на русско-китайской границе, и, кроме того, ему не следовало появляться в прежнем образе чиновника МИД, особенно за пределами России.

В конце первой части своей книги «Voyage scientifique...» П. А. Чихачёв поместил многозначительный пассаж: «Политика России по отношению к Китаю полна чистосердечия и уважения. Русское государство никогда не применяло к Китаю силу и принуждение и всегда учитывало интересы Китайской империи. В отличие от России Англия не желает считаться с интересами Китая»²⁸. В другом месте описана дружеская встреча российского и китайского пограничных постов, завершившаяся совместной трапезой у костра: «...Не существует в мире другой границы, которая на столь неизмеримо большом пространстве соединяет столько условий безопасности и прочности»²⁹.

Особенностью экспедиции стала необычайная быстрота (2 полевых месяца), с которой Чихачёв смог пересечь и обследовать хребты Восточного Алтая и Западного Саяна. Подобное не удавалось никому и после его путешествия. Секрет быстроты (помимо умелой организации и интенсивности маршрута), по-видимому, в том, что Чихачёв старался выбираться из труднопроходимых ущелий наверх, на характерные для этой горной страны плоские или слабо расчлененные, местами даже заболоченные, водораздельные пространства, где можно было двигаться в несколько раз быстрее. (Природа этих плоскогорий – остатки древних поверхностей выравнивания – будет установлена только в 1914 г. В. А. Обручевым³⁰.) Однако,

²⁶ См.: Думан Л. И., Ефимов Д. В. Китай. Исторический очерк (до 1917 г.) // БСЭ, 3-е изд. Т. 12. М., 1973. С. 210.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи. Гл. Архив. II-21. Оп. 66. 1841 г. Д. 1.

²⁸ Чихачёв. Научное путешествие по Алтаю... С. 147.

²⁹ Цит. по: Цыбульский П. А. Чихачёв – исследователь, путешественник... С. 46.

³⁰ См.: Обручев В. А. Алтайские этюды. II. О тектонике Русского Алтая // Землеведение. 1915. Кн. 3. С. 1–71.

выигрывая в скорости, Чихачёв проигрывал в качестве геологических данных, поскольку на плохо обнаженных поверхностях можно описывать местами горные породы, но почти невозможно изучать соотношения геологических тел. Он потратил немало усилий на поиски истока реки Абакана, которую предполагал пройти до Енисея ³¹, но, увидев сверху, что и там придется идти по ущелью, отказался от этого плана и использовал водораздельные плоскогорья правобережья, лишь ненадолго спустившись к Абакану у российского сторожевого поста.

Понять причины спешки можно, сопоставив содержание первой и второй частей полевого сезона. Главное внимание в последней было уделено полезным ископаемым. В отличие от остальных путешественников Чихачёв, бегло осмотрев основные месторождения Рудного Алтая и Салаира, уже многократно описанные, постарался посетить недостаточно освещенные в литературе золотые россыпи к юго-западу от Красноярска, выходы угольных пластов в Кузнецкой котловине и золотые россыпи Калбинского хребта в Казахских степях близ Иртыша. Стоявшая перед ним сверхзадача – за один сезон собрать материал для комплексного описания территории от Красноярска до Семипалатинска – заставила пожертвовать детальностью геологических наблюдений.

В экспедициях по Италии и по Алтаю Чихачёв впервые проявил себя как геолог. Его геологическая подготовка была разносторонней, но не систематической. Между тем эпоха натуралистов-универсалов заканчивалась. Накопление фактического материала и дифференциация наук о Земле вызывали необходимость специализации в более узких областях. Чихачёв, уделявший большое внимание сбору и хранению коллекционного материала, консультировался у видных специалистов Франции и других стран. В определении его палеонтологических и палеоботанических находок принимали участие А. д'Аршиак, Э. Вернейль, Ад. Броньяр, Г. Гёпперт, петрографические коллекции осматривал Л. Эли де Бомон и т. д. (Это относится и к его обширным гербариям.) Тем не менее характеристика Чихачёва как дилетанта, «геолога-любителя» ³², несправедлива. (Его современник Г. П. Гельмерсен даже позволил себе пренебрежительно упомянуть «известное путешествие камер-юнкера Чихачёва...» ³³.) Общаясь с крупнейшими геологами Европы, Чихачёв воспринял идеи своего времени. Его геологические карты по районам Италии опирались на выделение стратиграфических подразделений, по возможности охарактеризованных палеонтологически, но отчасти на основе аналогии с изученными разрезами других стран ³⁴. В. В. Цыбульский указал, что Чихачёв одним из первых отметил явления биоценоза в распределении ископаемой фауны, постепенность смены фаунистических комплексов при переходе от одного стратиграфического горизонта к другому, что было несовместимо с идеями все еще популярного катастрофизма, а также, что он разделял униформизм Ч. Лайеля.

Среди главных геологических результатов экспедиции Чихачёва по Алтаю (в основном отмеченных в упомянутом реферате французских академиков) Цыбульский выделил обоснование отсутствия в этом регионе древнейших, а также ме-

³¹ Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 83.

³² Тихомиров В. В. Геология в России первой половины XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. С. 194.

³³ Helmersen. G. Reise nach dem Altai im Jahre 1834 ausgeführt. St. Petersburg, 1848. S. 157.

³⁴ А. Гумбольдт не случайно рекомендовал П. А. Чихачёву для первой экспедиции районы Италии, где еще в середине XVIII в. появились стратиграфические схемы с выделением первичных, вторичных и третичных отложений (Дж. Ардуино, 1759; и др.).

зозойских отложений, роли метаморфических изменений, придающих палеозойским породам более древний облик, пересечения гранитами ряда осадочных формаций и основанный на широких аналогиях вывод о наличии сибура, впоследствии подтвержденный. К этому можно добавить, что хотя Чихачёв в отличие от многих горных инженеров Алтая воспринял идеи плутонизма, но одновременно под влиянием идей А. Гумбольдта принимал для гранитов с пластовой отдельностью эруптивное происхождение.

Следует остановиться на оценке В. В. Цыбульским роли П. А. Чихачёва в изучении Кузбасса, поскольку ее повторяют многие авторы, в том числе работавшие в бассейне³⁵. По мнению Цыбульского, «одной из величайших заслуг П. А. Чихачёва перед страной и отечественной наукой, обессмертившей его имя, являлось открытие им Кузнецкого каменноугольного бассейна»³⁶. Далее указано, что выходы угля известны с 1721 г., но заслугой Чихачёва было выявление угольных пластов в различных районах, проведение здесь первых геологических исследований, составление первой геологической карты Кузнецкого бассейна (это название предложено Чихачёвым), оценка его как одного из крупнейших в мире (площадь 250 × 100 км), заключение о практической важности присутствия в угленосных слоях железных руд.

Почти все вышесказанное о Кузбассе было известно предшественникам. П. А. Чихачёв не выявлял новые угленосные районы – он осмотрел Афонинское и некоторые другие известные месторождения, уделив главное внимание сбору органических остатков в угленосной толще и подстилающих известняках; выходы угольных пластов еще в XVIII в. осматривали такие натуралисты, как Д. Г. Мессершмидт, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, И. П. Фальк, Линденталь, П. И. Шангин, Б. Ф. Герман, а с 1820-х гг. здесь работали поисковые партии горного округа. Статья горного инженера Соколовского 2-го (А. Соколовского)³⁷, помимо описания угольных месторождений и железных руд в угленосной толще, содержала оценку площади угленосной формации (400 × 100 верст), ее будущих промышленных перспектив, а также характеристику химического состава и технологических свойств углей. Чихачёв действительно впервые схематично показал весь бассейн на карте, опубликованной в «*Voyage scientifique*»³⁸, но специалистам округа его контуры были известны.

Вклад П. А. Чихачёва в изучение Кузбасса в другом: он вложил в термин «бассейн» смысл, аналогичный современному «бассейн осадконакопления», и обосновал прибрежно-морскую обстановку формирования угленосной толщи. Возраст последней (на базе определений Г. Гёппертом коллекции ископаемой флоры, в основном собранной Чихачёвым) соответствует формации красного песчаника, лежащей выше карбона (термин «пермь», уже входивший в лексикон геологов, Чихачёв не употреблял). Он предположил также, что толща может занимать промежуточное положение между слоями с морской фауной нижнего карбона и собственно красным песчаником. (Это отчасти предвосхитило данные XX в., согласно

³⁵ Крылов Г. В., Завалишин В. В., Козакова Н. Ф. Исследователи Кузбасса. Кемерово, 1983.

³⁶ Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 91.

³⁷ Соколовский 2-й. О каменном угле, найденном близ дер. Афонинной и в некоторых других местах Алтайского округа // Горный журнал. 1842. Ч. 2. Кн. 4. С. 22–43.

³⁸ Название карты (в пер. с франц.): «Опыт составления генеральной карты Алтая и части Саянских гор с приблизительным показом главных формаций и их стратиграфических свойств...». В «стратиграфические свойства» Чихачёв включал азимут простирания и наклон пластов.

горные районы были заселены еще не покоренными Францией арабскими племенами⁴¹.

В период с 1847 по 1863 гг. Чихачёв осуществляет 8 экспедиций по Малой Азии общей протяженностью маршрутов свыше 14 тыс. км⁴². Результатом явилось «*Asie Mineure*» (“Малая Азия”) в 8 томах – всестороннее страноведческое описание Турции, включая районы Курдистана и Западной Армении, по полноте своей непревзойденное. Оторванность Чихачёва от России позволила ему работать на территории ее стратегического противника.

Между тем в 1849 – начале 1850 гг. П. А. Чихачёв приезжал в Петербург к профессору геодезии Академии Генерального штаба генералу А. П. Болотову с предложением взять на себя редактирование материалов Чихачёва, военного геодезиста М. П. Вронченко, немецкого картографа К. Киперта, а также самого Болотова, ранее работавших в Турции, чтобы составить карту Малой Азии для первого тома его «*Asie Mineure*». Болотов опубликовал карту, но она не удовлетворила Чихачёва, и позднее с более полными материалами он обратился за помощью к Киперту⁴³. Здесь интересен сам факт подобных контактов «политэмигранта».

В том же 1850 г. в России ведомственный «Военный журнал» опубликовал его «Военно-статистические сведения о Турецкой империи», где среди прочих приведены данные о структуре и боеспособности ее вооруженных сил и отмечена уязвимость с суши 11 фортов, защищающих проливы⁴⁴. Редактор журнала сопроводил публикацию пояснением: «Автор этой любопытной статьи, П. А. Чихачёв, занимающий в европейской литературе почетное место по своей ученой деятельности, дозволил редакции украсить страницы «Военного журнала» помещением предлагаемого здесь извлечения из *ненапечатанного* им описания его путешествий в Малую Азию». В 1853 г. журнал «Кавказ» (№ 45–46) поместил его статью «Военная сила Турции». Очевиден риск, которому подвергал себя Чихачёв, продолжая работать в Малой Азии перед самым началом и после окончания Крымской войны, поскольку о статьях и других его контактах могли узнать турецкие власти. (Ему и без того приходилось с оружием в руках отбиваться от нападений горных племен или толпы религиозных фанатиков.) Можно ли утверждать, что Чихачёв не присылал российским ведомствам и другую информацию? Вопрос остается открытым.

В 1854 г. П. А. Чихачёв выступает на новом поприще, опубликовав работу об англо-французской политике в Восточном вопросе и глубинных причинах начавшейся Крымской войны. За ней последовала серия публикаций по вопросам европейской политики, появившихся в основном после воцарения Александра II и начала либеральных реформ в России. Тематика большинства работ посвящена Восточному вопросу, а также задачам объединения и освобождения от чужеземного ига ставшей ему близкой Италии. Эти работы свидетельствуют об информированности, глубине анализа и самостоятельности в истолковании

⁴¹ См.: Ланда Р. Г. Алжир. Исторический очерк // БСЭ. 3-е изд. Т. 1. 1970. С. 424.

⁴² Схема маршрутов заимствована Цыбульским из карты Малой Азии, составленной Стебницким по данным путевых журналов Чихачёва за 1847–1863 гг., опубликованных в 1867 г. на немецком языке. См.: Стебницкий. Петр Александрович Чихачёв...

⁴³ Белозерская. Петр Александрович Чихачёв... С. 181–182.

⁴⁴ Военный журнал. 1850. № 1. С. 145–165. Военное ведомство России регулярно издавало военно-статистические обозрения, в том числе пограничных губерний России.

геополитических проблем ⁴⁵. Брошюра «Прочен ли Парижский мир?» (1856) впервые содержала резкую критику режима Николая I. Она не могла служить *причиной* эмиграции, как утверждает в упомянутом предисловии А. Л. Нарочницкого, она была ее *следствием*. Появлением брошюры могли быть отмечены прекращение тесных связей с ведомствами России и начавшийся для Чихачёва период *реальной эмиграции*. Что же касается даты формальной утраты им российского подданства и приобретения подданства объединенного Итальянского королевства, если это имело место (опубликованных сведений нет), то она может и не совпадать с этим важным жизненным рубежом.

В последующие десятилетия Чихачёв продолжал обработку и публикацию данных по Малой Азии, вел научные исследования в Северной Африке и других регионах. В этот период, когда выходили один за другим тома «*Asie Mineure*» и другие его сочинения, вызывавшие живейший отклик в Западной Европе, они не только не переводились на русский язык, но и почти не упоминались в российской печати, как научной, так и общей. В 1876 г. полоса молчания ненадолго прерывается: П. А. Чихачёва избирают почетным членом Петербургской Академии наук ⁴⁶, а в Тифлисе Кавказский отдел ИРГО публикует в переводе с немецкого журнал его путешествия в 1858 г. по Малой Азии ⁴⁷. Учитывая, что эти маршруты частично охватили Западную Армению, что в 1876 г. уже начались конфликты балканских стран с Турцией и обострились русско-турецкие отношения, а в 1877 г. они перейдут в войну, полями которой станет также Закавказье, есть основания видеть между перечисленными событиями определенную связь.

По завещанию, составленному еще в 1877 г., П. А. Чихачёв оставил Парижской академии наук капитал в 100 тыс. франков на премии за лучшие результаты путешествий в Азии и смежных странах за исключением Британской Индии, Сибири, Малой Азии и Сирии как более изученных ⁴⁸.

Умолчания о некоторых сторонах жизни и деятельности П. А. Чихачёва в основном восходят к краткому биографическому очерку И. И. Стебницкого и более подробному – Н. А. Белозерской, не имевшей доступа к архивам ведомств. Однако автором легенды о свободном от обязательств человеке, на свои средства и по своему выбору изучавшем науки и совершавшем путешествия, лишь однажды приняв официальное приглашение на Алтай, а в посольство устроившемся из-за увлечения экзотикой Константинополя и Малой Азии, был сам Чихачёв: Белозерская использовала «введение», написанное им к третьему тому «*Asie Mineure*» (1860), и его упомянутые устные воспоминания ⁴⁹. Легенда должна была устранить подозрения,

⁴⁵ Часть работ П. А. Чихачёва этого периода в переводах В. В. Цыбульского опубликована в книгах: Письма о Турции. М., 1960; Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970; Испания, Алжир и Тунис. М., 1975; Страницы о Востоке. М., 1982.

⁴⁶ См.: *Цыбульский*. П. А. Чихачёв – выдающийся исследователь Алтая... С. 4–5. Здесь приведено благодарственное письмо в Академию наук «действительного статского советника Петра Чихачёва», датированное февралем 1877 г., в связи с избранием его почетным академиком. Упомянутый гражданский чин, соответствующий генерал-майору, подтверждает продолжение негласной службы Чихачёва в одном из ведомств России после путешествия на Алтай, а также высокую оценку его заслуг и соответственно сохранение российского подданства по крайней мере в эпоху правления Александра II. Автор книги этот «момент истины» оставил без комментариев и в последующих биографических работах письмо не цитировал.

⁴⁷ Чихачёв П. Журнал путешествия по Малой Азии. Тифлис, 1876.

⁴⁸ *Стебницкий*. Петр Александрович Чихачёв... С. 10.

⁴⁹ *Белозерская*. Петр Александрович Чихачёв... С. 164, 167.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ГЕОГРАФІИ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ.

4 387
181

ЖУРНАЛЬ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО МАЛОЙ АЗІИ.

П. ЧИХАЧЕВА,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

К. КИПЕРТА.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. ГЕЛЬМЕРСВНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ тому IV «Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

1876.

Титульный лист книги П. А. Чихачёва «Журнал путешествия по Малой Азии» (1876) с гербовой печатью библиотеки Генерального штаба

облегчить продолжение его исследований в Турции и других странах, успокоить ведомства в России; менять ее позднее Чихачёв по понятным причинам не мог.

В связи с изложенным можно вспомнить полковника Т. Лоуренса (1888–1935), по образованию археолога, сменившего эту профессию на деятельность разведчика, направленную на усиление британского влияния на Ближнем и отчасти на Среднем Востоке. «Лоуренс Аравийский» – один из национальных героев Англии: о нем написаны книги и сняты кинофильмы. П. А. Чихачёв, напротив, с юных лет был нацелен на участие в неофициальной внешней политике, получил специальную подготовку, приобрел в этом опыт и проявил незаурядные способности, но вопреки всему стремился к возможности вести научные исследования и свободно излагать свои мысли. Учитывая его первую профессию, достичь этого было невероятно трудно. Однако судя по работам, написанным в период реальной эмиграции, он понимал также, что Россия – независимо от ее политического режима – в силу своего географического положения и истории всегда будет причастна к проблемам, связанным с Востоком (в широком понимании), и иметь там свои интересы. То, что Чихачёв оказался к ним лично причастен, вполне совместимо с его либеральными и демократическими убеждениями.

В биографии П. А. Чихачёва остается много неясного. Но и то, что известно, позволяет отказаться от упрощенного объяснения причин его эмиграции, а также от использования стандартных идеологических ярлыков образца середины XX в.⁵⁰ Нет необходимости умалчивать о характере его участия во внешнеполитической деятельности Министерства иностранных дел николаевской России, равно как нет оснований считать, что он разделял революционные идеи декабристов. С другой стороны, либеральные и демократические убеждения Чихачёва (применительно к демократии можно обойтись без сакраментальных эпитетов «буржуазная» и «революционная»), напротив, могли сложиться достаточно рано, но не проявлялись публично. Ответственная служба в Министерстве иностранных дел до конца 1830-х гг. и негласное сотрудничество с рядом ведомств России до середины 1850-х гг. объясняют сдержанность Чихачёва в изложении политических вопросов; его взгляды отражены в более поздних работах.

Не все выводы, изложенные выше, можно считать определившимися. Часть из них – версии, логически вытекающие из опубликованных данных, которые желательно подкрепить документами. Хотелось бы, чтобы к 200-летию со дня рождения П. А. Чихачёва (2008 г.) была разработана более полная и объективная биография ученого, для чего потребуются дополнительные архивные разыскания, в том числе за пределами России. Однако и то, что достоверно известно, показывает, насколько многогранной была эта неординарная личность.

⁵⁰ Политическую эволюцию П. А. Чихачёва В. В. Цыбульский сформулировал следующим образом: «...Если в первой половине XIX в. П. А. Чихачёв в общественно-политическом отношении принадлежал к лицам, которые вдохновлялись идеями дворянской революции, то в 50–60-х годах он испытывал огромное влияние либерализма и буржуазной демократии, хотя по целому ряду вопросов не раз склонялся на сторону революционной демократии» (Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 152).

Н. И. БЫСТРОВА

«О ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ...»

(К 70-летию со дня рождения В. Ф. Быстрова)

Существенная ошибка людей в понятиях о жизни есть та, что целью ее они считают счастье, тогда как разум должен ставить на место счастья долг.

А. В. Никитенко

Быстров Владимир Федорович – член-корреспондент АН СССР (1979), лауреат Государственной премии (1985). Был награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), орденами «Знак Почета» (1975), Дружбы народов (1981) и Трудового Красного Знамени (1985), а также золотой медалью Я. Гейровского Чехословацкой академии наук за заслуги в области химических наук. Одним из первых разработал методы применения спектроскопии ядерного магнитного резонанса (ЯМР) для анализа химической и пространственной структуры органических молекул и биополимеров. Уравнение, устанавливающее взаимосвязь между константой спин-спинового взаимодействия протонов и двугранным углом, в международной литературе получило имя Быстрова. Автор свыше 380 научных трудов, индекс ежегодного цитирования которых до сих пор не опускается ниже 40. В течение 19 лет (1971–1990) был заместителем директора Института биоорганической химии им. М. М. Шемякина РАН. В. Ф. Быстров в разные годы являлся председателем Комитета по биотехнологии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, ученым секретарем Научно-методического совета по проблемам медицины АН СССР, членом Национального комитета советских биохимиков АН СССР, Центрального совета Всесоюзного биохимического общества, бюро Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР, совета Международного общества магнитного резонанса, Европейского комитета экспертов по биофизике при ЮНЕСКО и еще более десяти различных советов и комиссий¹.

Задача, стоящая передо мною, весьма непростая. Мне очень трудно писать о нем, но и не писать я не могу. Я хочу, чтобы коллеги и мои друзья, каковыми я считаю большинство сотрудников нашего института, где я работаю без малого 35 лет, вместе со мной вспомнили замечательного человека, блестящего ученого, прекрасного представителя нашего интеллигентского братства, моего мужа и друга Владимира Федоровича Быстрова, 70 лет со дня рождения которого исполнилось в конце 2005 г.

Быстров Владимир Федорович родился в Ленинграде 31 декабря 1935 г. Его родители были выходцами из крестьян Архангельской губернии. Отец, Федор Петрович, прошел путь от рабфака до профессора Института внешней торговли, затем начальника валютного управления Министерства внешней торговли СССР и профессора Института международных отношений.

¹ Владимир Федорович Быстров (1935–1990). М., «Наука», 1993. 90 с.